

Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны (1618-1648)

Автор: А. В. Лазарева

Лазарева Арина Владимировна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник МГУ.

Для раннего Нового времени Тридцатилетняя война стала "войной всех войн"¹. Масштабы, количество участников и, в первую очередь, проблемы, которыми она была вызвана, являлись чрезвычайными для истории XVII века. Тридцатилетняя война была выходом накопившихся конфессиональных, политических (борьба за европейскую гегемонию) и социальных (расшатывание традиционного сословного общества, выход на политическую арену новых социальных групп, например, бюргеров) конфликтов. У современников война получила название "немецкой" или даже "Тридцатилетней войны немцев". Речь идет не только о географии, хотя основным театром военных действий являлись именно немецкие княжества, составлявшие ядро Священной Римской империи. "Немецкой" война была еще и потому, что стала "потрясением для немецкого народа"², если говорить о ее итоге для Германии в целом. Это была долгая и опустошающая война с катастрофическими последствиями.

Термин "немецкий" указывает на то, что основная борьба шла за решение внутригерманских вопросов, то есть проблем конфессии и взаимоотношений императора с территориальными князьями. Наконец - и это особенно важно - "немецкой" война стала и потому, что способствовала появлению первых ростков национального самосознания и складыванию представлений о единой Германии. Национальные идеи появлялись изначально в среде образованных немцев. В первую очередь, представления о немецкой нации стали зарождаться в литературных кругах немецких земель. Именно писателям и поэтам принадлежала роль "будителей" нации³. В немецких княжествах осознание общности и национального единства было затруднено гетерогенностью, которая была одной из главных и неотъемлемых политических и географических реалий Германии раннего Нового времени. Тридцатилетняя война, однако, предоставила, по мнению литераторов и публицистов, шанс преодолеть царившие в немецких землях конфессиональную разобщенность и территориальную раздробленность. Война была воспринята частью образованных современников как "война за немецкое единство и сплочение общества", потому что, с одной стороны, она затронула всех немцев без каких-либо различий и несла всем им смерть, ужас и разрушение⁴. С

миру, сделав их непримиримыми врагами. Враги, по мнению публицистов, поставили под угрозу само существование Германии, ее базовые ценности. Как известно, национальная идея всегда развивается неравномерно, а ее главными катализаторами выступают различные кризисы. Именно таким толчком к интенсификации национальной мысли в Германии и стала "Немецкая война" ⁵.

В военном хаосе немецкие поэты и писатели, тяжело переживавшие за судьбу Отечества, объявили свою собственную войну всему "вражескому", разрушающему Германию. В своих сочинениях они создали специальный образ врага. По словам Кристофа Леманна, одного из немецких публицистов того времени, было "необходимо сделать из невидимого врага видимого" ⁶. В немецкой публицистике в годы Тридцатилетней войны враги стали по-настоящему осязаемыми. В первую очередь это было достигнуто с помощью появления иконографических стереотипов. Безусловно, многие из них перекликались с традиционными, часто библейскими сюжетами. Основанный, в первую очередь, на религиозных символах, процесс становления самобытных образов шел очень медленно, и используемые изображения были изначально лишь "иллюстрациями к текстам Священного Писания" ⁷. Однако за время Тридцатилетней войны в иконографии произошли ощутимые изменения, которые способствовали расширению визуального ряда и его большему отмежеванию от сугубо библейских картин. Во многом это отразилось и на визуализации врага.

Проследить постепенный, а порой и едва заметный поворот от преобладания религиозной тематики к светской, наметившийся в немецкой публицистике первой половины XVII в., лучше всего на примере иллюстрированных листовок - небольших литературно-публицистических сочинений, печатавшихся на односторонних листах с большой картинкой, расположенной над текстом; Сами тексты, чаще всего написанные в стихотворной форме, были откликом на актуальные события. Они служили и для распространения новостей, и использовались даже в качестве оружия в политической борьбе противников. Именно полемический характер листовок обусловил методы, с помощью которых публицисты выражали свою точку зрения. Аллегория и сатира вышли в иллюстрированных листовках на первый план. Они вызвали у публики живой интерес, обеспечивая листовкам высокий спрос. Аллегии не были абстрактными, они базировались на традиционных сюжетах Священного Писания. Сатира же дала немецким публицистам возможность расширить границы традиционных библейских представлений об окружающем мире. В свою очередь аллегии, которые во многом из-за сатирических недосказанностей надо было разгадывать, что особенно нравилось покупателям, начинали наполняться иным смыслом. Например, если корабль в христианской традиции однозначно воспринимался как Церковь ⁸, то на листовках протестантского толка шведский король Густав II Адольф (1594 - 1632) очень часто изображен в виде рулевого. не только потому, что он был "заморским гостем", но и потому, что к нему обращались как к заступнику "истинной веры". Похожие тенденции в толковании привычных аллегорий наметились и в иконографических сюжетах, связанных со становлением образа врага: традиции сочетались с новым значением. Стоит отметить, что в публицистике Тридцатилетней войны по-прежнему существовал, с одной стороны, обезличенный образ врага ⁹, вписанный в

традиционную религиозную схему существовавших категорий и норм, но с другой, как наглядно показывают иллюстрированные листовки, за годы войны и сами враги, и представления немцев о них стали конкретными. На первое

стр. 111

место здесь вышла борьба со всем "чужим", "чужеродным", с которым немцы столкнулись за годы войны.

В катастрофе, обрушившейся на Германию, образованные круги практически сразу начали обвинять иностранцев, вторгшихся в немецкие земли. За годы войны в Германии побывали и испанцы, и датчане, и шведы, и французы, и это далеко не весь перечень "национальностей", которые появились в немецких княжествах и определяли их повседневную жизнь на протяжении практически 30 лет. Никогда не видевшие иностранцев и не выезжавшие дальше близлежащей ярмарки немцы стремительно расширяли свой кругозор, при этом знакомство с реальностью было страшным и представлялось настоящим Апокалипсисом¹⁰. В немецкой публицистике военного периода довольно четко звучит злоба против "чужих народов", под которыми подразумевались в первую очередь враги-европейцы. Размышляя о них, публицисты не только напрямую сравнивали культуры, но гораздо чаще противопоставляли их, показывая позитивные черты немецких традиций и негативное влияние на них иностранных заимствований.

"Война хочет сделать из Германии часть Франции", - таким был один из главных лозунгов, сформулированный известным публицистом XVII в. Фридрихом Логау и поддержанный литераторами в годы Тридцатилетней войны¹¹. Страх перед потерей "собственного лица" и превращением Германии в довесок иной сильной европейской державы нашел широкий отклик в публицистике той эпохи. Негативное восприятие врага естественно для любой войны, однако в Германии в первой половине - середине XVII в. образ врага стал одним из катализаторов национальной идеи.

Он рождался в процессе четкого противопоставления и разделения мира на "своих" и "чужих". В теории национализма принято считать, что социальные группы приходят к осознанию своего собственного существования, к самосознанию через познание других коллективов и через столкновение с ними¹². Благодаря такому противопоставлению литераторы Тридцатилетней войны четче формулировали свои представления о немцах. Таким образом, появление образа врага в немецкой публицистике XVII в. шло параллельно со становлением "национальных стереотипов" в сочинениях немецких интеллектуалов.

Понятие "стереотип" подразумевает "обобщенное и упрощенное представление и определяется как неизменный комплекс повторяющихся действий и предложений". Стереотипы делают возможным создание упрощенной картины мира, которая изначально

не имеет претензий на точность и полноту, но которая дает вещам и людям четкое место и приписывает им четкий тип поведения ¹³. В эпоху Тридцатилетней войны налицо был контраст стереотипов: немецкие литераторы все жестче рисовали врагов Германии и все чаще говорили о "чистоте и добродетельности" немцев. Образ немца всегда был одухотворенным и благородным ¹⁴, а образ врага - брутальным и беспощадным. По существующему в научной литературе мнению, представления о враге важны потому, что они используются для отрицания в самих себе негативных черт и для возвышения собственного "я" ¹⁵. С точки зрения развития национальной идеи этот тезис представляет особый интерес. Во-первых, он подтверждает необходимость внешнего начала для более четкой самоидентификации. Во-вторых, речь идет о создании негативного стереотипа внешнего мира, под натиском которого обществу необходимо осознание своего единства. Стереотип врага всегда имеет такие характеристики как "глупый", "злой", "ужасный" и т.д. Эти черты становились определяющими при характеристике народа в целом и, таким образом, возводились в ранг "национальных". Для стереотипизации важно построить из хаотичес

стр. 112

кого потока информации упорядоченную систему ¹⁶. То же самое можно сказать и о подходе немецких литераторов к образу врага. Немецкие писатели, поэты и публицисты выделили несколько основных черт, характерных, по их мнению, для врагов.

Немецкий враг не был безликим, наоборот, благодаря иллюстрированным листовкам он приобрел конкретное визуальное воплощение. Создание визуального ряда при упоминании врагов усиливало тот ужас, который испытывало перед ними немецкое население. Образ врага предполагал, как и вообще предубеждения в целом, упрощенные черно-белые клише, которые опирались на уже существовавшие представления ¹⁷. Главными иконографическими принципами при изображении врагов являлись устрашение и высмеивание. Эти жанровые особенности на иллюстрированных листовках могли существовать как по отдельности, так и в синтезе. Особенностью листовок было обращение к типизации и обобщениям, когда какой-либо признак или характерная черта автоматически отождествлялись не с конкретным отдельно взятым врагом, а со всей группой в целом. Таким образом, определенные атрибуты становились главными отличительными символами определенного круга лиц и постепенно воспринимались как его синоним или эквивалент. Типизации укоренялись в сознании с помощью часто повторяющегося атрибутивного аппарата или через создание постоянно повторяющихся аллегорических или сатирических образов. В иконографии внешних врагов это выразилось в двух основных тенденциях изображений, первую из которых следует определить как "бестиализацию", вторую же - как тенденцию "брутализаций" противника.

К бестиализации в немецких иллюстрированных листовках можно относить любые аллегорические изображения, в основе которых лежит принцип представления

действующих лиц в виде животных. Надо заметить, что этот принцип являлся одним из излюбленных в немецкой публицистике XVII века. Был создан ряд статичных фигур и шаблонов, глядя на которые читатель безошибочно угадывал главных героев. Безусловно, на первое место выходили аллегорические изображения. Эти образы были тесно переплетены с эмблематикой, являвшейся одним из видов привычных зооморфных аллегорий¹⁸. Геральдический орел Габсбургов сражается с пфальцским львом - такой сюжет в годы Тридцатилетней войны стал традиционным. Образы животных были абсолютно понятны: "Богемскую корону Фердинанд, Орел, надел сначала на себя. Но потом ей заинтересовался Лев, курфюрст Фридрих. Он покинул свое логово и двинулся на поле (боя). Он показал себя смелым героем и получил корону Орла...Но тут Спинола пустился в пляс и живо ухватил Льва за хвост"¹⁹. В виде животных изображались военные противники двух противоборствующих лагерей - Империи и противостоящей ей коалиции. В образах зверей в немецкой публицистике Тридцатилетней войны показаны такие военачальники как И. Тили (1559 - 1632)²⁰ и Э. Мансфельд (1580 - 1626) с его войсками²¹, курфюрст Пфальца Фридрих V (1596- 1632)²², император Фердинанд II (1578 - 1637)²³ и некоторые другие важные фигуры того времени. Геральдико-аллегорические изображения, однако, постепенно наполнялись иным подтекстом, который предстояло разгадать читателю. Все чаще немецкие публицисты, желая дискредитировать врага, показывали его "звериную сущность", подчеркивали его ожесточение и неистовую злобу.

Само по себе изображение в виде зверя не несло отрицательных коннотаций²⁴, но намеренная пропаганда, утрирование негативных черт, которые подчеркивали публицисты, вели к постепенному только негативному восприятию зверей, о чем свидетельствуют тексты листовок, в которых под-

стр. 113

черкивались лишь отрицательные характеристики представителей животного мира²⁵. Такое отношение к животным, правда, уже имело под собой довольно богатую почву. Звери порой считались пособниками дьявола, и отождествление врагов с животными могло вести к их негативному восприятию²⁶. Те животные, которые персонифицировались с врагами, были или пособниками зла в Священном Писании, или сами по себе наводили ужас как воплощение смерти, горя, хаоса, эпидемий. Для изображения врагов художники и публицисты выискивали наиболее отрицательные и страшные черты и образы. '

Поскольку звери, ставшие аллегорическими изображениями врагов, являлись а priori опасными и несли с собой ужас, разрушения и гибель, это создавало почву для "законной борьбы" с опасностью, исходящей от врага. Изображение врага в виде "бестии" вело к его дегуманизации. Если враг не считался больше человеком, а являлся олицетворением всего подлого, кровавого, ужасающего, то это способствовало намеренному раздуванию агрессии против него, чтобы создать условия для борьбы со смертью²⁷. Комплекс негативных черт, присущих немецким врагам, возводился в ранг абсолюта и прочно ассоциировался у немцев

с конкретными странами или народами, превращаясь в стереотип. В немецкой литературе XVII в. закрепились традиционные представления о хитрости и чванливости испанцев, необузданной злобе шведов, порочности французов и итальянцев. Немецкие враги были способны лишь "воровать по-богемски, оставлять в дураках по-итальянски, льстить по-критски, врать и обманывать по-испански, ругаться по-французски" ²⁸. С ухудшением внутреннего положения немецких княжеств, особенно острого в первые годы войны, образ врага становился все более устрашающим.

Бестиализация на иллюстрированных листовках эпохи Тридцатилетней войны служила созданию цельного образа врага, акцентируя внимание на его отрицательных качествах и подчеркивая его разрушительную силу, направленную против всех немцев. Аллегория не только визуализировала происходящее, но и нацеливала на его общую негативную оценку. В данном случае речь шла не столько о самом феномене устрашения, сколько о культивировании отрицательного образа определенной группы, наделенной характерными чертами. Аллегорические изображения тех, кто непосредственно вторгся в немецкие земли, поистине наводили страх на зрителя - злобные огромные змеи и гигантские пауки терзают немецких львов и орлов. Звери-враги как правило всегда принадлежали к самым неприятным представителям животного мира - к пресмыкающимся, насекомым, паукообразным, злобным грызунам или кровожадным хищникам, в то время как "немецкие" звери представляли в благородных образах львов и орлов. При бестиализации врага черты изображенных зверей были, безусловно, утрированы и служили способом выражения точки зрения автора. В иконографии существовала целая плеяда пороков, с которыми немецкие публицисты отождествляли представителей животного мира в своих сочинениях.

Пауки, повсеместно раскидывающие свои сети, были, с одной стороны, символом интриганства, а с другой стороны, этот образ возник в большей степени благодаря использованию игры слов, которая получила на иллюстрированных листовках иконографическое воплощение. Ее применяли, например, если речь шла об Испании. Дело в том, что фамилия испанского полководца Амброзио Спинолы (1569 - 1630), войска которого с 1619 г. прошли по немецким княжествам, была созвучна с немецким словом "паук". (Spinola - die Spinne). Именно поэтому на аллегорических листовках Тридцатилетней войны довольно часто можно видеть изображение огромного паука: "Паук - сильный враг. Выпустив яд, он высасывает мозг из головы" ²⁹.

Паук-Спинола был воплощением злобы, крушившим на своем пути все, что было дорого "верному немецкому сердцу". Мародерства армии Спинолы наводили ужас. На одной из листовок полководец показан лично отнимающим у крестьянина его небогатый скарб, а подпись к изображению - "Я не одинок" - намекает на сотни солдат, которые на заднем плане поджигают, грабят и убивают ³⁰. В немецкой публицистике появилось и такое

сочинение протестантского толка, как "Десять заповедей испанцев" с подзаголовком: "Десять священных заповедей, которые Папа Павел V дал своему возлюбленному сыну Спиноле". "Не прекращай войну, пока вся Германия не будет снова моей", - напутствует Папа Спинолу. - "Ты должен яростно убивать. Изводи имущество и земли мечом и огнем. Ты должен стать немецким монархом, (а после этого) можешь делать все, что хочешь со своими женщинами, домами и деньгами. Ты должен отнять у них (у немцев, врагов Папы - А. Л.) все добро, что так охотно делают твои солдаты" ³¹.

Страшный паук вообще чаще всего использовался в качестве олицетворения Испании. Пауками считали иногда и иезуитов, наводнивших немецкие княжества ³² и проводивших рекатодизацию мятежного Пфальца. Ядро иезуитского ордена было в Испании, но в самом ордене состояли, кроме испанцев, и многие другие европейцы - например, итальянцы, французы, отрицательное отношение к которым в годы войны в немецких княжествах постоянно усиливалось. Иногда утрируя реальное положение вещей, немецкие литераторы кругом видели коварных шпионов и гонителей немецкой самобытности. Члены иезуитского ордена изображались на иллюстрированных листовках такими же захватчиками как и испанские войска, разорявшие Германию.

Однако, чаще чем паук, для аллегорического образа персонификации иезуитов служила змея. По мнению многих современников, иезуиты не только оплели всю Европу паутиной интриг ³³, но также стремились влиять на политику и внутреннюю жизнь европейских государств. "Страшная змея обвилась вокруг лапы льва. Она хочет напугать весь мир...Змея со злобой вонзилась льву в бок, хочет разорвать его сердце" ³⁴. Так неизвестный немецкий публицист описывал начальный период Тридцатилетней войны - вторжение испанцев и разгром пфальцкого курфюрста Фридриха V, геральдическим животным которого был лев. Образ змеи, безусловно, перекликается и с библейской традицией. Змея прочно ассоциировалась с грехопадением. Она наводила страх на человека одним своим шипением. В публицистике есть свидетельства о "льстивых речах" иезуитов, которыми те пользуются, чтобы распространить свою власть и ввести праведных немцев во грех, в котором они погрязли сами: "(они) настоящие коварные убийцы, которые хитрят с помощью своих зверских козней и интриг. Обманывают благочестивых христиан. Прикрываются святым именем Христа. Предстают в облиции овец, в сердцах же настоящие волки. Хотят напиться нашей (немецкой. - А. Л.) крови, которой им все мало. Поэтому (они) жестокое ужасное животное, дьявольская лживая честь и убранство. (Их) льстивые слова - чистейший яд" ³⁵. Здесь можно провести прямую параллель с текстом Библии, когда о грешниках говорится, что они "высиживают змеиные яйца и ткуют паутину: кто поест яиц их - умрет". Характерно, что победителем змеи ³⁶ в христианской иконографии является воин Михаил, что для Германии имело особый оттенок и содержало намек на покровителя немецких земель Михеля.

Испанцы были первыми врагами-иностранцами, которые прошли по немецким княжества, поэтому их изображения, пожалуй, и самые часто встречающиеся на ранних листовках времен войны, и самые отрицательные. Многочисленность испанцев, буквально

квивал еще один образ, который можно увидеть на очень многих иллюстрированных листовках 1620 - 1621 годов. Это так называемая "шпанская мушка" - вид жуков, семейства нарывников. В природе эти насекомые больно кусаются, вызывая волдыри на теле, и могут причинить заметный вред. В немецкой иконографии Тридцатилетней войны показано, как шпанские мушки кружат огромным роем, полностью парализуя свою жертву, - как правило "Немецкого льва" Фридриха V, или же слетаются к городам и крепостям в поисках наживы.

Похожие мотивы бестиализации врага использовались также в "песнях ландскнехтов", в которых повествовалось о "змеиных манерах"³⁷, "тиранах-монстрах", а битвы животных постепенно стали одним из излюбленных сюжетов, который можно найти в песнях, где главные персонажи явно перекликаются с листовками: "Змеи, скорпионы прежде немецким землям никогда не причиняли такого вреда"³⁸.

Олицетворением жадности стали огромные злые собаки, пытающиеся выхватить кусок мяса побольше. На некоторых листовках говорится, что собака - это Англия: "Здесь и большая английская собака, которую не пощадил голод. Она уже привыкла запихивать награбленное в церкви к себе в пасть". Интересным представляется то, что автор листовки старается очернить Англию, непосредственно не втянутую в Тридцатилетнюю войну. Конечно, европейский передел беспокоил Стюартов, внутреннее положение которых в этот период было шатким. За счет удачной дипломатии англичане пытались решить как свои внутренние проблемы, так и повлиять на общеевропейский расклад сил. Однако, не эти сложные хитросплетения внутренней и внешней политики занимали анонимного автора листовки. Гораздо более важным для него было показать, что все беды Фридриха V начались именно тогда, когда он "связал себя узами с чужой кровью"³⁹, женившись на дочери английского короля Якова I (1566 - 1625). Именно этот поступок дал алчным англичанам повод вмешиваться в немецкие дела. Неизвестный публицист указывает на английскую жадность и попытки поучаствовать в "разорении Германии". Образ английской собаки несет в себе негативные коннотации, снова перекликающиеся с библейскими сюжетами. В Библии собака упоминалась хоть и редко, но в основном в отрицательном смысле и именно там подчеркивается алчность и жадность псов: "И это псы, жадные душою, не знающие сытости"⁴⁰. В иконографии Средних веков и Возрождения собака могла изображаться лежащей на Тайной Вечере рядом с Иудой и воспринималась как символ предательства⁴¹.

Другим приемом в бестиализации врага было его высмеивание. Характерным примером могут служить "птичьи" листовки, где противника представляют в виде различных птиц. Птицы в этой серии листовок ассоциировались с "национальными характерами". Однако,

для этих изображений характерно подчеркнутое выпячивание таких черт, которые способствовали дискредитации. В литературе, посвященной иконографическим традициям изображения врагов, существует мнение о трехуровневой схеме, с помощью которой можно достичь наибольшего эффекта у зрителя. Три звенья этой схемы являются преувеличение, дискредитация и разоблачение. Все это широко представлено в "комических" листовках рассматриваемой серии. Намеренно утрированные черты вызывали смех у публики. Например, смехотворную напыщенность и глупость олицетворяли важные надутые испанские гранды-индюки, которые только своим размером и могли навести страх, а больше из себя ничего не представляли ⁴².

Одним из самых ярких персонажей в этом ряду является французский петух ⁴³. Его можно заметить уже на ранних листовках начала Тридцатилет-

стр. 116

ней войны. На одной из них, петух как бы подстрекает к действиям Протестантскую унию в образе льва, сам вроде бы и не участвуя в разразившейся у его ног битве, но исподтишка все равно стремясь клюнуть побольнее медведя - Максимилиана Баварского (1573 - 1651), олицетворяющего Католическую Лигу⁴⁴. На более поздних листовках петух, чванливо выпятив грудь с тремя геральдическими лилиями - символом Франции, вышагивает по птичьему двору, залихватски сдвинув корону набекрень ⁴⁵. Такой образ находился в явном противоречии с традиционными представлениями о могуществе французской короны.

В художественных произведениях Нового времени петух иногда выступал как знак персонифицированного распутства, так как в мифологической традиции, связанной с жизнью и смертью, петух отвечал за плодородие, прежде всего в его производительном аспекте. Именно это толкование образа постоянно подчеркивали немецкие публицисты времен Тридцатилетней войны. Известный немецкий поэт середины XVII в. Иоганн Клай писал в частности, что французы унаследовали ту порочность, которая привела к крушению Римской империи ⁴⁶. Иными словами, петух отображал самодовольство и порочность как национальные качества французов, с подразумеваемым противопоставлением им скромных и добродетельных немцев.

На птичьем дворе, изображенном на этой же листовке, появился и самый, пожалуй, традиционный враг христианского мира - турок. Еще в довоенной немецкой публицистике постоянно подчеркивалось, что турки представляют собой самую большую опасность для христианского мира, являясь "врагом рода человеческого" ⁴⁷. Однако на листовках Тридцатилетней войны их изображения использовались авторами не столько ради создания негативного портрета самих турок - в этом итак не было никаких сомнений - сколько ради дискредитации других врагов немцев, в первую очередь, французов. Этот эффект дискредитации достигался с помощью активного негативного отношения к Османской

империи как таковой, поэтому любые контакты с турками вели к уничтожению авторитета врага и охотно использовались публицистами. В качестве одного из главных обвинений Франции предъявляли возникновение еще в 30-е гг. XVI в. "прочной связки" с Османской империей и подписание в 1536 г. "капитуляций", дававших Франции широкие привилегии в Турции.

На вышеупомянутой листовке турки изображены в виде двух хищных птиц в тюрбанах, которые алчно кружат над "наихристианнейшим королем" в петушином обличье. Однако французский петух даже не вооружен против турок, он занимается самолюбованием и исподтишка сзади ножницами пытается отрезать несколько перьев из хвоста имперского орла, вместо того, чтобы обратить свое внимание на угрозу христианскому миру. Намекая на существующие союзные связи между Францией и Турцией, автор листовки тем самым дискредитирует французского "наследного врага" еще и как предателя христианского мира. Такому образу Франции прямо противопоставлялась Германия - защитница веры. "Вперед, христиане! После "С" в алфавите стоит "Т". За Согрешением всегда следует Турок", - писал известный немецкий поэт второй половины XVII века ⁴⁸. Именно имперский орел на рассматриваемой листовке имеет при себе огромный меч, на его крыле изображен крест - символ веры. Он выглядит единственным, кто готов и способен сразиться с турками ⁴⁹.

В отличие от бестиализации традиция брутализации противника не показывала его в виде животного, сохраняя ему человеческий облик. Правда, человеческие черты сильно отличались от привычных, поскольку искажались до неузнаваемости. Этот прием был необходим немецким авторам, что-

стр. 117

бы подчеркнуть дикость и варварство, которые принесли с собой в Германию враги. Брутальными были в первую очередь образы северных народов - лапландцев, лифляндцев, шотландцев, финнов и ирландцев. Немцы, первый раз столкнувшиеся с этими народами, которые пришли в их земли в составе иностранных армий (в первую очередь в шведской армии Густава Адольфа), были поражены той силой и стойкостью, которую проявили северяне. Это дало повод для появления различного рода легенд не столько о выносливости, сколько о жестокости и беспощадности врагов. От них практически невозможно было спастись, потому что "лифляндцы бегают так же быстро как их кони", "лапландцы могут выносить мороз и голод", а "шотландцы от природы тверды как камень" ⁵⁰.

Ужас перед подобными качествами находил свое выражение в иконографических традициях. Художники, подмечая характерные черты новых для них врагов и разные типичные детали в экипировке, тем не менее все время старались принизить врагов, подчеркивая и утрируя непривычные детали или искажая их облик: "Лапландцы -

низкорослые люди не больше 4 или 5 футов ⁵¹ росту, имеют длинные волосы, которые они заплетают в косу, и носят ее сзади. У них широкие и плоские лица, смуглые большие головы, маленькие глаза, короткие ноги, совершенно кривые, и колени у них поэтому не как у нас спереди, а вывернуты в стороны, из-за этого они быстро бегают и прыгают" ⁵².

Внешний вид северных народов был настолько непривычен, что вызывал страх. Публицисты сравнивали северян с варварами, изображая их в шкурах, с длинными волосами и усами. Антипатия и страх литераторов перед чужеродным и непонятным доходила до ненависти, которую они передавали с помощью соответствующих пропагандистских методов обществу. Злобные, звериные, лица и утрированно мускулистые руки свидетельствовали о жестокости нрава. Даже обыкновенная лошадь в воображении интеллектуалов у северных народов мифологизировалась и скорее напоминала некое сказочное существо, больше похожее на помесь лошади, дракона и жирафа ⁵³. Вражеские башмаки, подбитые огромными острыми шипами, могли втоптать в землю все то, что было накоплено поколениями немцев, их культурные и материальные ценности.

В целом аллегорические представления о северных народах на иллюстрированных листовках времен Тридцатилетней войны перекликаются с библейскими воинами Апокалипсиса: "И вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить...И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч". ⁵⁴ Действительно, у изображенного в центре одной из листовок ⁵⁵ лифляндца в руках огромный лук, а из-за шляпы видны ветки, напоминающие венок. Лапландец вооружен большим мечом, хот* в отличие от библейского персонажа идет пешком. Образ врага в качестве воина Апокалипсиса был понятен: воины Апокалипсиса выступали в роли тех, кто нес с собой хаос и смерть ⁵⁶. Такой образ придавал врагу нечто демоническое, что обуславливало еще больший страх перед ним. Если враг был изображен как демон, несущий с собой крушение всего окружающего мира, то моральный долг каждого состоял в борьбе против него.

Брутализация образа врага была представлена также в памфлетах, рассказывающих о бесчинствах и зверствах, которые враги могут учинить в завоеванной стране. Так в 1620 г. в разгар испанского вторжения, появилось сочинение, повествующее о поведении испанцев в "покоренной Индии" ⁵⁷. Для усиления впечатления на обложке была помещена иллюстрация, на ко-

торой воин-завоеватель держит в руке обрубок человеческого тела, из которого хлещет кровь, а его собаки разрывают на части вторую половину человека. Надо отметить, что вообще иллюстрации в памфлетах эпохи Тридцатилетней войны были редкостью, однако

здесь для более яркого представления о бесчеловечности немецких врагов и их жестокости автор прибегнул к визуализации. Текст озаглавлен: "Ко всей Германии, о тирании испанца, которую он проявляет ко всем, без разбора религии, в том числе и к самым невинным". Самыми черными красками автор описал характерные по его мнению черты поведения испанцев в завоеванных землях. Возмущение и ужас автора вызывали постоянные пытки и мучения, которыми испанцы насаждали свою власть, не щадя даже детей: "Один испанец сказал одному мальчику девяти лет, что он должен поехать с ним, но тот не хотел, тогда он отрезал ему крылья носа и уши" ⁵⁸. Если враг выступает как детоубийца и мучитель, то это можно считать апогеем варварства и жестокости. Распространение подобной печатной продукции усиливало не только страх простого населения перед врагом, но и воспитывало чувство ненависти к нему.

В целом обращает на себя внимание тот факт, что если страх перед лишениями и невзгодами войны был традиционным содержанием листовок и памфлетов, то в годы Тридцатилетней войны он приобрел новые оттенки. Все чаще этот страх переплетался с боязнью потерять исконно немецкие культурные ценности и самобытность, с этим же связывалась в публицистике и неуверенность в завтрашнем дне. Обращаясь к чувствам простых обывателей, для которых война с ее постоянными набегами отрядов на города и деревни была личной катастрофой, публицисты создали связь между судьбой "немецкого Отечества" с его "национальными" ценностями и исконными традициями, воспетыми в литературном наследии Тридцатилетней войны, и судьбой отдельно взятого немца. "Иноземные захватчики" стремились уничтожить и Германию, и немцев. Литераторы утверждали равенство всех немцев и перед угрозой смерти, и перед нависшей угрозой потери своего собственного лица. В высшей степени характерная деталь - несмотря на то, что в Тридцатилетнюю войну немцы чаще сталкивались на полях сражений со своими соотечественниками, в научных трудах, в иллюстрированных листовках не часто можно встретить самих немцев среди врагов. Только иностранцы воспринимались как однозначные враги, а немцы же предстают скорее как страдающая сторона, порой подстрекаемая ими к необдуманным и вредным действиям.

Таким образом, в немецкой публицистике в годы Тридцатилетней войны укрепился и получил новые акценты образ врага. Этот образ существовал и раньше, однако война дала ему свежий импульс и наряду с привычными представлениями о врагах лишь на конфессиональной почве, какими были в первую очередь турки, появился образ врага-европейца, соседа, вторгшегося в немецкие земли. Они выступали единым фронтом, разрушая то, что было дорого литераторам, были беспощадны к немецким ценностям, уничтожали на своем пути все без разбора. Образ врага способствовал осознанию литераторами немецкого единства, в данном случае становясь фактором, мобилизующим всех членов общества к солидарности и сплочению на основе психологического эффекта естественного закона самосохранения. Образ врага помогал формулировать представления о немцах "от противного", поскольку с помощью унижения чужого предпринималась самоидеализация. Ярко выраженный негативный характер восприятия врага являлся отличительной чертой его образа. Если враг - это "негативное целое", то общество способно противостоять ему только коллективно. Созданный немецкими литераторами образ врага

лую группу, в данном контексте нацию. Все отдельные негативные качества суммировались и речь могла идти уже о появлении единого отрицательного суждения, которое приравнивалось к "национальному характеру" противника. Тридцатилетняя война способствовала широкому распространению этих негативных суждений о врагах, с присущими им архетипами "чужой", "агрессор", "варвар", "мучитель или палач", и образ, появившийся в Германии в годы Тридцатилетней войны по праву может считаться одним из звеньев современной "феноменологии представлений о враге".

Примечания

1. BURKHARD J. Der Dreissigjahrige Krieg. Frankfurt am Main. 1992, S. 15.
2. SCHMIDT G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Fruhen Neuzeit 1495-1806. Munchen. 1999, S. 150.
3. Этот термин происходит от чешского слова "buditel", дословно - тот, кто пробуждает. Первоначально так говорили о деятелях чешской культуры конца XVIII - первой половины XIX в., которые вели активную борьбу за возрождение чешского языка, науки и литературы. В середине XX в. в историографии национализма "будителями" стали называть всех представителей образованных кругов, которые первыми выступили за национальные ценности.
4. SCHMIDT G. Op. cit., S.176.
5. Безусловно, у немецкой национальной идеи раннего Нового времени был уже достаточно прочный фундамент. В Германии еще в Средние века появились первые представления о немцах как о своеобразном народе, отличном от других европейцев, которые нашли свое отражение в трудах гуманистов. См., например: ВОЛОДАРСКИЙ В. М. Политическая этика немецких гуманистов. Культура Возрождения и власть. М. 1999, с. 152 - 161. Особую роль в формировании представлений о немецкой нации сыграла Реформация. • Она дала толчок освобождению от давления римской католической церкви и христианского универсализма, что положило начало процессу осознания национального своеобразия. Этому способствовало в немалой степени становление и распространение литературного немецкого языка, которое началось после перевода Лютером Библии.
6. LEHMANN CH. Florilegium politicum, Politischer Blumen Garten. Faximiledruck der Auflage

von 1639. Frankfurt am Main. 1986, S. 194.

7. HILLEN G. Allegorie im Kontext. Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Köln u. a. 1992, S. 596!

8. HARMS. W. Feindbilder im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit. Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Köln u. a. 1992, S. 160.

9. Обычно под термином "враг" понимали, в первую очередь, дьявола - врага рода человеческого.

10. ASCH R.G. The Thirty Years War. The Holy Roman Empire and Europe 1618 - 1648. London. 1997, p. 312.

11. LOGAU F. Sammtliche Sinngedichte. Tübingen. 1872, S. 156.

12. SIMON H. Geschichte der deutschen Nation. Wesen und Wandel des Eigenverständnisses der Deutschen. Mainz. 1968, S. 98.

13. PLUM A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft. Aachen. 1997, S. 78, 79.

14. Что касается немцев, то, безусловно, интеллектуалы стремились создать идеальный образ, в котором бы сочетались самые лучшие черты, такие как благородство, верность, преданность и т.д. В этой идеализации публицисты и художники не придавали значения тому, изображали ли они своих немецких союзников или противников.. Любые изображения всего немецкого были позитивными.

15. PLUM A. Op. cit., S. 108.

16. Ibid., S. 80.

17. Ibid., S. 106.

18. HILLEN G. Op. cit, S. 595.

19. Der Adlers und Lowen Kampff. 1621. Bayerische Staatsbibliothek (BSB). München. Einbl.

V,8 b-4.

20. Der Pfalzisch Patient. 1621. BSB. Munchen. Einbl. V,8 b-30. Тили представлен здесь как хитрый "доктор Лис".

21. Der Pfaltzgrafen Koraus aus Boheim Ober und Underpfaltz. 1621. BSB. Munchen. Einbl. V,8 b-39. Мансфельд "бежит как крыса".

стр. 120

---

22. Jesuiter Bienenschwarm. 1632. DIF, IV, 211. Традиционное животное для изображения Фридриха V - геральдический лев Пфальца.

23. Triumphierender Adler. 1621. BSB. Munchen. Einbl. V, 8 b-1. Олицетворением Фердинанда II считался геральдический орел Габсбургов.

24. HARMS. W. Op. cit., S. 150.

25. Geheime Andeutung uber den vermainten- Konig. 1621. BSB. Munchen. Einbl. V,8 b-57.

26. HARMS. W. Op. cit., S. 150.

27. PLUM A. Op. cit., S. 121.

28. GRIMMELSHAUSEN H. J.CH. Der Teutsche Michel. Frankfuert am Main. 1652, S. 22.

29. Geheime Andeutung uber den vermainten Konig...

30. Pfaltzischer Herrn Mainung. Gemeiner Leud Trost Frefler Triumph Vernicht. 1621. BSB. Munchen. Einbl. V,8 b-31

31. Die Spanische Zehen Gebott. 1622. BSB. Munchen. Einbl. 11,10.

32. Gerechter Weegweiser der irrlandischen Konigs aus dem Pragerischen Thiergarten. 1621. BSB, Munchen. Einbl. V,8 b-42

33. Например: Einred und Antwort. Das ist: Ein Gespräch der Zeitungschreibers mit seinem

Widersacher.

1621. BSB. Munchen. Einbl. V, 8 b-37.

34. Geheime Andeutung uber den vermainten Konig...

35. Der vertriebenen Jesuiter aus den Konigreichen Boheimb und Hungern vorgenommene Wallfahrt zu den Heiligen. Raspino und Pono nach Ambsterdam ins Zuchthaus. 1619. BSB. Munchen. Einbl. V,8 eg.

36. Образы змеи и дракона считались тождественными в христианской иконографии.

37. WELLER E. Op. cit., S. 79. '

38. Ibid., S. 2, 79.

39. Geheime Andeutung uber den vermainten Konig...

40. Библия. Ис. 56:10 - 11.

41. ХОЛЛ Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве М. 1996, с. 522 - 523.

42. Deutsche illustrierte Flugblätter XVI-XVII Jh. (DIF). IV, N 248.

43. Образ петуха является, наряду с Марианной, традиционным символом Франции. Его происхождение чаще всего связывают с двойным значением латинского слова "gallus", которое переводится и как "галл", и как "петух".

44. Pfaltzischer Herrn Maiming...

45. DIF. IV, N 248.

46. KLAJ J. Lobrede der Teutschen Poeterey. Nurnberg. 1648, S. 21.

47. SGHILLINGER J. Franzosen und Turken in deutschen Flugschriften des 17 Jahrhunderts. Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Fruhen Neuzeit (1450- 1700). Tagung in Ascona, Monte Verita, vom 31 Oktober bis 4 November 1999. Basel.

2002, S. 172.

48. Цит. по: SCHILLINGER J. Op. cit, S. 182.

49. DIF. IV, N 248.

50. Illustrierte Flugblätter aus den Jahrhunderten der Reformation und der Glaubenskämpfe. Coburg. 1983, S. 253.

51. 1 фут = 30,48 см.

52. DIF. I, N95.

53. Illustrierte Flugblätter aus den Jahrhunderten der Reformation..., S. 253.

54. Откровение Св. Иоанна Богослова. 6:2, 6:4.

55. Illustrierte Flugblätter aus den Jahrhunderten der Reformation..., S. 253.

56. PLUM A. Op. cit., S. 168.

57. LIEBFRIED Ch. An ganz Teutschland, von Eter Spaniers Tyranny, welche er ohn unterscheidt der Religion audi an den aller Unschuldigsteri verubt. 1620. (Flugschriftensammlung GustavFreytag. N 4986); На самом деле, безусловно, речь шла о завоевании испанцами Америки. Автор говорит об Индии лишь в силу своего незнания.

58. Ibidem.